

СТО ПЯТНАДЦАТЬ МИНУТ И ОДНА СЕКУНДА

ГОВОРИТ ДМИТРИЙ
ШОСТАКОВИЧ

Сентябрь 1941 г.,
Ленинград

(Из выступления по радио)

Вспоминается... Однажды Дмитрий Дмитриевич вел с корреспондентом «ЛГ» большую, многочасовую беседу, а назавтра со- ликатной твердостью он сказал:

— Вы уж, пожалуйста, без меня не печатайте. Когда напи- шете, покажите...

Я написал. Текст, довольно большой, был набран, сверстан, поставлен в очередной номер. Написал и принес Дмитрию Дмитриевичу. Он читал внимательно, делал поправки, коммен- тировал их — я заносил его замечания в свою рабочую тет- радь.

— Что вы все время пишете? — оторвавшись от гранен, спросил меня композитор. — «Гениальные замечания Шостаковича...»? Пожалуйста, не делайте этого. — не надо ничего записывать за мной. Это — поверите! — никому не нужно — ни вам, ни мне... Лучше проследите как следует, чтобы все на-ши поправки непременно были реализованы. Вот на это стоит тратить время!

Его скромность, способность смущаться по всяческому, даже пустяковому поводу широко известны в музыкальном мире. Великий художник — он был застенчивым, предельно скромным человеком. За два года до своей кончины он посетил США и там подвергся очередному «обстрелу» прессы и американских коллег — музыкантов. Один из них прямо, как говорится, в лоб, спросил:

— Задумываетесь ли мистер Шостакович над тем, какую роль суждено его творчеству сыграть в музыке XX века? И не тяготят ли его этот груз?

И как же ответил Дмитрий Дмитриевич?

— Если какой-то след в XX веке останется от моей музыки, то я, конечно, буду счастлив. Но я никогда не думал, что моя музыка играет какую-то очень большую и особую роль в XX веке. И, вероятно, не буду думать... Когда-то я был пианистом, выступал публично, играл не только свои сочинения, но и чужие, и поэтому чувствую аудиторию. Часто бывает так: слушаю свое собственное сочинение и чувствую, что мысли мои отскакивают от слушателя, как горох от стены... А иногда, наоборот, ощущаю контакт... Я слуга своих слушателей и всегда стремлюсь к этому!

...Эти слова, сказанные Дмитрием Дмитриевичем, могут теперь услышать многие.. Не будучи поклонником частных бесед с прессой, выступлений перед микрофоном, кино- и телевидением, Дмитрий Дмитриевич все же, когда к этому призывают общественный долг, давал интервью, участвовал в дискуссиях, творческих встречах, беседах, увы, лишь частично запечатленных на магнитных и иных пленках. Но где найти их, как собрать эти бесценные записи?

Это было делом нелегким, непростым. Было...

За это взялся хорошо известный в музыкальном мире на-ша фирма «Мелодия». Взялись давно любящие и хорошо знающие Д. Д. Шостаковича специалисты. Среди них прежде всего должно назвать работников Союза композиторов СССР и наших архивов, музыковедов, упорству и энергией которых мы в немалой степени обязаны тем, что в итоге длительных поисков были разысканы некоторые, прежде неведомые, замечательные документы жизни и творчества Д. Д. Шостаковича.

Выходят в свет четыре пластинки, на которые перенесены эти, доселе неизвестные беседы и выступления Дмитрия Дмитриевича Шостаковича. 115 минут и одну секунду в общей сложности на этих пластинках звучит спокойный и увлечен- ный, усталый и оживленный голос Шостаковича.

Сегодня «Литературная газета» печатает фрагменты запи- сей великого композитора и гражданина нашей страны.

Говорит Дмитрий Дмитриевич Шостакович!

Наум Мар

Дмитрий Дмитриевич ШОСТАКОВИЧ (снимок публикуется впервые)

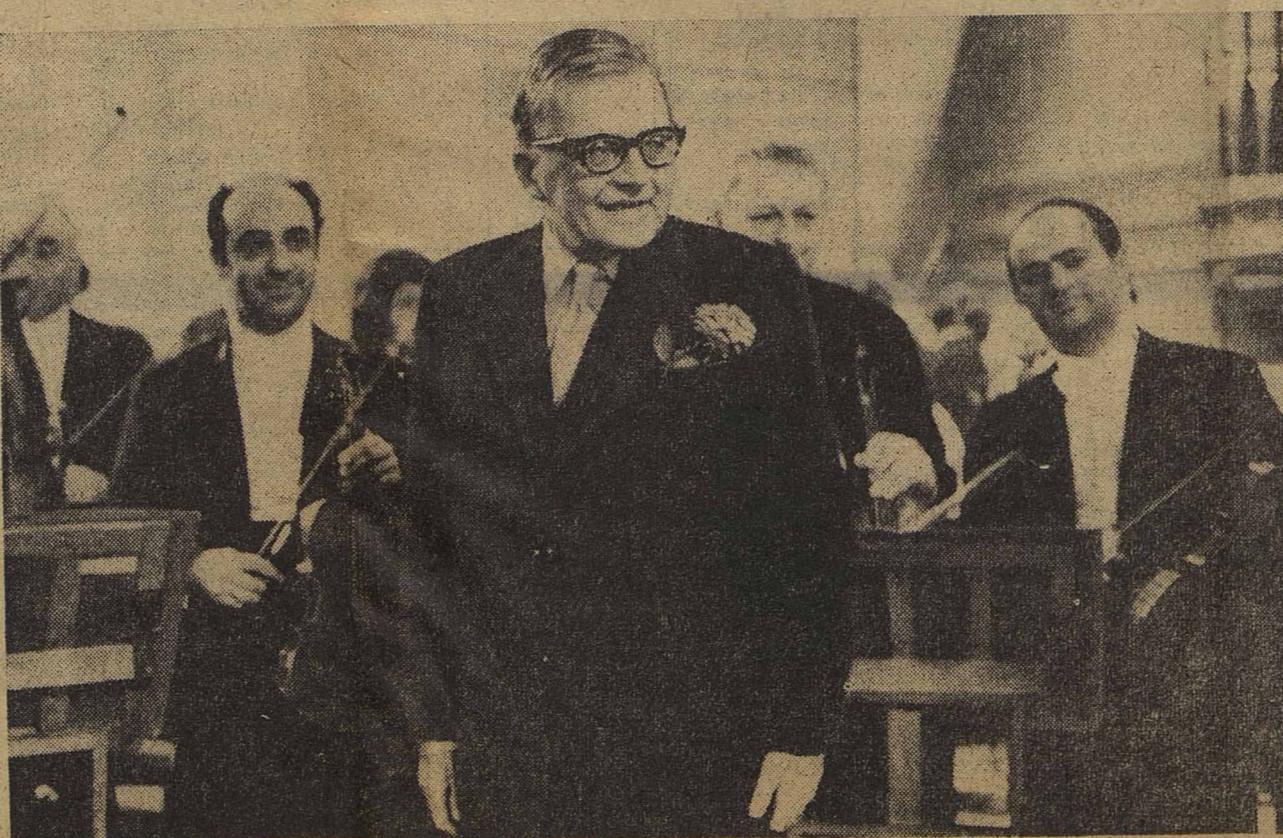

Фото В. АХЛОМОВА

Слово о Двенадцатой симфонии

«Разлив», третья — «Аврора», четвертая — «Заря человечества»... Конечно, на сочинение моей Двенадцатой симфонии очень многое подействовало: произведения литературы, кино, и нашей живописи, поэзии. Но я думаю, самым главным таким творческим импульсом для меня послужило то, что я сам, хоть и в очень молодом возрасте, был свидетелем Великой Октябрьской социалистической революции. Я долго думал о симфонии и много над ней работал, но вплотную уже занялся работой весной примерно и летом 1961 года. Мне очень хотелось, чтобы она была закончена к XXII съезду Коммунистической партии Советского Союза. И мне это сделать удалось — мне удалось закончить симфонию к этой исторической дате в жизни нашей Родины. Симфония состоит из четырех частей. Симфония программная. Первая часть называется «Революционный Петроград», вторая часть —

(Из выступления на торжественном открытии II Международного конкурса имени П. И. Чайковского)

Как человек своего века, я радуюсь тому, что конкурс имени Чайковского духом своим и направленностью утверждает благороднейшие идеалы, близкие всему прогрессивному человечеству. Музыка объединяет

людей. Ее язык не нуждается в переводе. Понятная всем и каждому, музыка несет человеку радость и вдохновение, обогащает безмерно, раздвигает горизонты его жизни. Вот какой силой и властью обладаем мы — музыканты. Но эта великая сила нашего искусства налагает на нас и великую ответственность.

Мы должны всегда помнить не только об эстетическом, но и об общественном значении музыки. Я хочу сказать это именно сегодня, как напутствие молодым, талантливым музыкантам, которые выходят на дорогу большого искусства. Это вовсе не мое личное откровение, это завет всех истинно великих художников прошлого и современности, завет гениального русского музыканта Петра Чайковского...

Чикаго, 1973 г.

(Из интервью для радио)

...Я не согласен с тем, что наши концертные залы стали музеями и что симфоническое творчество как бы ушло в прошлое и уже не имеет каких-то перспектив в будущем. Это неверно. За последнее время появилось немало прекрасных симфонических произведений. Я бы хотел назвать произведения Сергея Прокофьева, Бенджамина Бриттена, болгарского композитора Любомира Пип

кова. Наши советские композиторы отдают много внимания симфоническому творчеству. Может быть, я не прав, но мне кажется, что размышления, будто симфония стала некоей архаикой, что она устарела, исходит, может быть, от тех композиторов, которые не умеют написать симфонию и объясняют свое неумение псевдоучеными суждениями по поводу того, что симфония, дескать, умерла и довольно с ней во- зиться.

* * *

...У нас тоже много бывает разговоров и споров о народности в музыке. Иной раз даже высказывают такие точки зрения, что народная музыка — та, где используется народная тема. И русская, скажем, музыка — та, где используется русская народная тема, а украинская музыка — это та, где используется украинская народная песня...

Я придерживаюсь другой позиции. Я всячески за то, чтобы использовать народные песни. И уже пример прошлого показывает, что это всегда служит украшением произведения. Вспомним Четвертую симфонию Чайковского, вспомним итальянское капричио Чайковского, Глинки испанские произведения. Я бы хотел назвать произведения Сергея Прокофьева, Бенджамина Бриттена, болгарского композитора Любомира Пип

ко, думается, не только то обстоятельство, что автор взял народную песню, сделало произведение народным. Во-первых, эта самая песня в произведениях, о которых я говорил сейчас, звучит динамически, она входит всем своим существом в ткань музыкального произведения. И я считаю, что использование народных песен полезно и крайне украшает музыкальное произведение.

Но я думаю, не является не-правильным и другой путь определения народности. Если я не ошибаюсь, в «Иване Сусанине» Глинки я просто не припомню, есть ли там подлинная народная песня, которая перешла в партитуру?

И упрекать «Ивана Сусанина» по этому случаю в нена- родности, мне кажется, было бы абсолютно бессмысленно.

Вся музыкальная тематика Глинки так связана с русской песней с русским народом, что воспринимается буквально как скрипта, все составлено на русской народной песне, на на- родной музыке. А бывает так, что берется народная песня, а сочинение не делается народ- ным.

* * *

Сочинение музыки — это не легкое развлечение, а труд, очень серьезный, даже, может быть, очень тяжелый труд. Я знаю, многие композиторы пи- шут очень легко, очень быстро и мало, так сказать, задумываются. В результате получается произведение недостаточно совершенное. Мне кажется, что тут должно быть развито подвижническое чувство композитора к своей работе. Работа должна быть очень честной, очень продуманной и очень старательной.

Москва, 1974 г.

(Из выступления на Пятом съезде композиторов СССР)

Современная жизнь захватывает, поражает своими контрастами. Гигантские социальные сдвиги и непримиримая борьба идей, созидательный труд миллионов и вспышки военных конфликтов, ошеломляющие победы человеческого разума и разнуданное попрание нравственных норм — во всем выступает та или иная грань окруживающего нас мира. Художник, если он по-настоящему чуток и зорок, не может не за- чатать, не отозваться на эти сильнейшие жизненные импульсы. Он все слышит, все выбирает в глубины своего сознания и своей памяти. И по-этому, в созданных им произведениях возвращают жизни ее образы, ее краски, ее дыхание. Возвращают преображенными, заново осмысленными — такова великая способность искусства: рождаясь из жизни, снова уходить в жизнь, активно воздействовать на ход ее глубинных процессов.

...Искусство должно быть понято массам и любимо ими, оно обретает сегодня особое значение в творческой практике, в идеином споре с теми, кто хотел бы превратить искусство в пустую забаву, фиглярство, бессмыслицу. Известно, что за рубежом усиленно пропагандируется теория, согласно которой искусство создают отрешенные от жизни творцы для узкого круга избранных слушателей или зрителей. Всем же остальным предназначается примитивная продукция, возбуждающая самые низменные чувства человека, оглушающие и прими- жающие его. Что сказать обо всем этом? Подобная теория в своей основе аморальна, абсурдна. Настоящее искусство создается для человека, во имя человека. Оно призвано возвы- шать его, давать ему радость и надежду, делать его мудрее и чище. Оно гуманистично по своей природе, иначе оно просто не искусство. Связь с на- родом, со временем, в ко- тором живешь, — основа ос- нов творчества каждого истин- ного художника.